

тираж поэмы был моментально раскуплен поляками.⁸ Все хотели знать: что так оскорбило русских? В XVII в. об этом эпизоде писал и сам Твардовский в «Гражданской войне», В. Потоцкий в поэме «Хотинская война» и В. Коховский в своих «Анналах».⁹

Память об этой экзекуции была так сильна, что десять лет спустя, проезжая через Польшу в Россию, барон Августин Мейерберг довольно подробно описал суть дела, справедливо заключив, что «память об их (книг. — С. Н.) содержании никак не стореда, напротив, засияла ярче, озаренная таким пламенем. Потому что в людях возбуждено было любопытство узнать, что бы тут было такое, что столько хлопотали скрыть москвитяне, даже до того, что и попустивших это в огласку приговорили к сожжению».¹⁰

В том же 1650 г. из Варшавы вернулся (еще до отправления посольства Пушкина) царский гонец дьяк Григорий Кунаков. Он привез из Польши шесть книг, которые были «освидетельствованы» в Посольском приказе.¹¹ Среди них оказались и две поэтические книжки: «Wurgawa plebańska» и «Albertus z wojny», которые охарактеризованы следующим образом. «В пятой тетради напечатано: „Как выправлял (или высылал) ксендз Албертуса на войну. Внове напечатана лета господня 1649-го“. А про Московское государство никаких речей в той тетради не написано. В шестой тетради напечатано: „Как Албертус с войны пошел назад. Внове напечатана в Кракове лета господня 1649-го“. А про Московское государство в той тетради ничего не написано».¹² Таким образом, уже в 1650 г. московские дипломаты познакомились как с высокой эпической поэзией, так и с совиэжальной литературой — сатирической литературой социальных низов. Примечательно, что поэма «Владислав IV» хранилась долго (она значится еще в описи 1784 г. библиотеки Московского архива Коллегии иностранных дел¹³), в то время как о книжках о «военных похождениях» церковного служки Альбертуса, старопольского Швейка, никаких упоминаний в описях этой библиотеки в XVII—XVIII вв. нет: очевидно, по той причине, что никакого интереса для дипломатов они не представляли.

Изучение фондов Посольского приказа показывает, что информация о борьбе партий, а также о русской тематике в польской поэзии год от года становится все более представительной. Можно предполагать, что связано это с учреждением в 1673 г. постоянной миссии в Варшаве при московском резиденте, стольнике и полковнике Василии Михайловиче Тяпкине. К этому времени в посольское «свидетельство» попадает все больше польских книг.

«Око всей России» — Посольский приказ — придиричиво смотрит за всем. Например, в том же 1672 г. русские послы потребовали убрать следующую картину в зале королевского дворца в Варшаве: «На одной стороне король с сыном, а на другой — гетман польский гонит московские полки, царь и бояре взяты в плен, связаны».¹⁴ Что касается окказиональной

⁸ Н. М. Рец. на кн.: C z e c h o w s k i H. Samuel's von Skrzyzna Twardowski «Wojna domowa»: Doktordissertation. Posen, 1894 // Киевская старина. 1895. Т. 49. Май. С. 96, примеч. 1.

¹⁰ Мейерберг А. Путешествие в Московию барона Августина Мейерберга к царю и великому князю Алексею Михайловичу // ЧОИДР. 1873. Кн. 3, отд. 4. С. 6.

¹¹ См.: Акты, относящиеся к истории южной и западной России. Т. 3. С. 416—417.

¹² Там же. С. 417. — Заключение переводчиков Посольского приказа верно, но не совсем точно. «Москва» один раз упоминается в книге «Wurgawa plebańska»: «Wywał w bitwach pod Gdańskiem, w Moskwi, na Podolu» (цит. по 1-му изд. (1590 г.), перепечатанному в кн.: Literatura mieszczańska w Polsce od końca XVI do końca XVII w. // Опр. К. Budzyk, Н. Budzykowa, J. Lewański. Warszawa, 1954. Т. 2. S. 160).

¹³ См.: Белокуров С. О библиотеке московских государей в XVI столетии. Приложения. С. СССXVII.

¹⁴ Соловьев С. М. История России. Кн. 6. С. 408. — Очевидно, это картина Томмазо Долабелло «Представление Василия Ивановича Шуйского с братьями на Варшавском сейме 1611 г.». См.: D a r o w s k i A. Szkice historyczne. Petersburg, 1894. Ser. 1. S. 33; А д а р ю к о в В. Я. Добавления и исправления к подробному словарю